

Фига в кармане не просматривается

— Григорий Яковлевич, некогда в литературной критике бытовало мнение, что роль писателей вашего поколения, очевидцев и участников войны — в том, чтобы подготовить почву для прихода нового Льва Толстого, который по прошествии десятилетий напишет новую, обобщающую «Войну и мир». Как вы считаете, такой Толстой еще придет?

— Нет, никакого нового Толстого больше не будет. Потому что вся художественная правда о Великой Отечественной войне уже написана. Написана прежде всего ее очевидцами. Я знаю только одного писателя, который сам не воевал, но написал настоящую книгу об этой войне — Георгия Владимова, автора романа «Генерал и его армия». В дальнейшем будут лишь прояснения, уточнения отдельных фактов в документальной, мемуарной литературе. Сейчас этим успешно занимается комиссия Александра Николаевича Яковлева, публикующая документы 1941 года.

— В последнее время весьма популярны книги Виктора Суворова, такие, как «Ледокол» и «Аквариум», написанные с использованием неизвестных фактов, на которых основаны сенсационные выводы.

— Суворов врет, используемые им факты недостоверны.

— То есть Сталин не собирался напасть на Гитлера раньше, чем тот на него?

— Идея мировой революции, конечно, не оставляла умы советских вождей. Но я говорю о фактах.

— Ваш юбилей почти совпал с 25-летним юбилеем весьма популярного фильма «Семнадцать мгновений весны». Вы в своих мемуарах «Подводя итоги», недавно частично опубликованных в «Знамени», даете весьма нелицеприятную характеристику этому фильму за то, что в нем показана романтика фашизма. Между тем многие представители интеллигенции «матривают в «Семнадцати мгновениях» скрытые аллюзии, о чем, в частности, шла речь и в юбилейных телепередачах. Мол, под гестапо надо подразумевать КГБ и так далее.

— А вы видите у меня фигу в кармане? Это слишком сложные аллюзии, лично мне недоступные. Между тем обаяние фашистов стараниями таких актеров, как Броневой, сразу бросается в глаза. И это на фоне кадров кинохроники, в которых наши бойцы показаны безликой серой массой. Нет, отношение к этому фильму я не изменил.

— Можно ли говорить о том, что в разные периоды были разные уровни правды о войне? Сначала был Константин Симонов, затем «лейтенантская» проза, потом пришел Вячеслав Кондратьев. Вот и вы, написав первые книги о войне, на полтора десятилетия оставили эту тему, чтобы потом, в 1979 году, написать «Навеки — девятнадцатилетние».

— Думаю, это все же была одна литература. Что касается Кондратьева, он ведь был старше меня, хотя я помогал опубликовать его долго не печатавшегося «Сашку». А что касается меня — творчество непредсказуемо. Шла мирная жизнь, и я писал о ней. А на съемках фильма «Пядь земли» в Молда-

вии, на месте того же самого плацдарма, который я описывал в повести и где и в действительности шли бои, решили для большей достоверности вырыть настоящие окопы. И в одном из этих окопов обнаружили скелет бойца примерно моего тогдашнего возраста. И

которую Россия позволила себя втянуть. А ведь эта война была ей совершенно не нужна. Ну скажите, за что нам было воевать в первую мировую войну?

— Кажется, за Константинополь.

— Ну что вы, какой там Констан-

Григорий БАКЛАНОВ:

Вся правда о войне уже написана

Век. Москва, — 1998. — 11 сент. — с. 7.

Свой 75-летний юбилей известный писатель Григорий Бакланов встречает скромно. Представитель так называемой литературы лейтенантов, в 1941 году он добровольцем пошел на фронт. Был тяжело ранен при освобождении Запорожья, провел шесть месяцев в госпитале. Был признан негодным к строевой, однако вернулся в свою артиллерийскую батарею командиром взвода, участвовал в Яско-Кишиневской операции, в тяжелейших боях за взятие Будапешта и Вены. Окончил Литературный институт (1951). Известность принесла повесть «Пядь земли», изданная в тридцати странах мира. В официальной же советской критике повесть была встречена враждебно, как образец «окопной правды». Как будто бы в окопах сидел не народ и выражение «окопная» не означало — «народная». Еще сложней оказалась судьба романа «Июль 41-го года». Выйдя сначала в журнале, а потом отдельной книгой, роман был запрещен. Вторым, подобным «окопному», пиком популярности Бакланова стали вторая половина 80 — начало 90-х годов. Возглавив журнал «Знамя», он первым сумел поднять из «окопов» спецхранов такие произведения, как, например, «Новое назначение»

Александра Бека или «Собачье сердце» Михаила Булгакова. Во время перестройки «Знамя» Бакланова было тем, чем был «Новый мир» Александра Твардовского в период «оттепели». Многим запомнилась тогдашняя встреча его с читателями в студии «Останкино». Но сейчас писатель отказался от приглашений на телевидение по случаю юбилея: «Людам не до этого. Обесценился их труд, обесценились деньги. Время не способствует чьим-то юбилеям!». То же касается и прессы. «Вечерняя Москва» оказалась одной из двух московских газет, которой он согласился дать интервью.

вот тогда у меня вдруг и возник замысел «Навеки — девятнадцатилетних».

В КГБ и милиции «Знамя» не читали

— Что вы сейчас пишете и что читаете?

— Недавно закончил книгу воспоминаний, которая скоро должна выйти в издательстве «Вагриус». Пишу одну художественную вещь, не знаю, что получится — роман или повесть. Читать же мне сейчас интересно мемуарную литературу. Вот книга английского историка «Сталин и бомба». Еще — письма академика Капицы, «Россия в 1913 году».

— В свое время любили сравнивать советскую экономику с российской в 1913 году. Какой предстает та Россия перед вами сейчас?

— Вполне процветающим государством, с хорошо развивающейся промышленностью. Урожайность, правда, была не такой уж и высокой, но за счет площадей страна умела кормить и свое население, и Европу. Все испортила глупость первой мировой войны, в

тинополь! В дни Кубинского кризиса в 1962 году я знал, какая царил паника в Нью-Йорке. Люди ночевали в подъездах, готовые по первому сигналу спастись от наших ракет в бомбоубежищах. Я слушал все это по их радио, шел спать и спокойно засыпал. Я точно знал, что из-за Кубы мы воевать не будем. Тем более мы отказывались воевать из-за Константинополя. Думаю, и сейчас нам воевать не за что.

— В какой-то из ваших книг мне запомнилось обращение к истории: стоило, мол, крымскому хану Девлет-Гирею дважды подойти к Москве, как Иван Грозный отменил oprичнину. То есть какой-то урок из войны был извлечен. Вряд ли позднейшие госмужики оказались на высоте Ивана Грозного — можно ли говорить об извлечении каких-то уроков из афганской и чеченской войн?

— Если бы были извлечены какие-то уроки из афганской войны, то и чеченской не было бы. Конечно, это трагедия, и урок из всего этого извлекается один. Человеческие жизни нельзя измерять сотнями или тысячами. Власть долж-

на никого из КГБ и милиции. Как мой читатель сейчас? Я продолжаю много ездить по городам, встречаться с читателями. Среди них меньше стало молодых. В основном моему читателю сейчас за сорок.

— Не собираетесь ли вы что-то написать о какой-либо из последних войн?

— Нет, не собираюсь. Во-первых, я на них сам не воевал. А во-вторых, в день начала чеченской войны в «Известиях» ведь было опубликовано мое обращение к Ельцину с призывом, что еще не поздно вызвать Дудаева в Москву и начать с ним переговоры... Но в «Знамени» я способствовал открытию замечательного писателя «афганца» Ермакова, роман которого «Знак Зверя» — лучшее из того, что написано об афганской войне.

— В свое время вы не боялись в корне менять «облик» читателя «Знамени», выбрасывая из редакционного портфеля произведения Чаковского или Юлиана Семенова. Тираж журнала при этом шел в гору, и его даже приходилось ограничивать лимитированием подписки. Каким вы видите своего читателя сейчас?

Архив писателя

— Как без сожаления? С сожалениями! Но я не ставил перед собой задачи захватить все. Я был за то, чтобы сообщать возвращать литературу. Вот «Новый мир» превратился в собрание сочинений Солженицына и фактически погиб как журнал, лишился духовной энергии.

— Накануне ухода с должности главного редактора «Знамени», когда журнал попал в убийственную экономическую ситуацию, вы придумали уникальный библиотечный проект, который с помощью Сороса и «толстые» журналы спас, и библиотекам помог, обеспечив их журнальной подпиской.

— Мы тогда в «Знамени» проводили социологические опросы, из которых следовало, что 22—24 процента наших читателей составляла молодежь. Велика была доля интеллигенции малых городов. Не было представителей депутатской группы «Союз», помните такую? Не

было никого из КГБ и милиции. Как мой читатель сейчас? Я продолжаю много ездить по городам, встречаться с читателями. Среди них меньше стало молодых. В основном моему читателю сейчас за сорок.

— Одна из сугубо литератур-

ных проблем — язык. Вы в воспоминаниях подробно изобразили, как вы билесь в журнале за «Собачье сердце» Булгакова, но без особого сожаления уступили «Котлован» Андрея Платонова «Новому миру». Отражает ли этот факт ваши пристрастия в литературной классике?

— Я был вторым после Константина Симонова рецензентом «Ивана Денисовича» и оценивал повесть как сильное художественное произведение. Но публицистика Солженицына, его телепередачи не кажутся мне серьезными. Это как раз и есть дилетантство! «Россия в обвале» я начал было читать, но не дочитал. Так что в данном случае рецензента из меня не получится.

— Я слышал о вашей новой затее, в какой-то степени связанной с экономикой.

— Сейчас я — куратор грандиозного проекта «Пушкинская библиотека», охватывающего книжных издателей и библиотеки. Не я автор его идеи. Но директор проекта Мария Веденяпина, выступая недавно на Международной книжной ярмарке, назвала меня его духовным отцом. Проект предусматривает обеспечение трех с половиной тысяч российских библиотек новейшей литературой по различным гуманитарным отраслям и подразделяется на два этапа. Сначала специальные комиссии будут рассматривать присланную издательствами на конкурс литературу. Потом из прошедших конкурс книг библиотеки сами будут выбирать те, что им необходимы. Фонд «Пушкинской библиотеки» будет оплачивать 75 процентов стоимости литературы плюс почтовые расходы, так что библиотеки будут нести лишь пять-десять процентов фактических расходов.

— Не хочу быть дилетантом!

— Не хочу быть дилетантом! Экономисты-то у нас есть, да к их голосу никто не прислушивается. Я с большим вниманием читаю в «Аргументах и фактах» статьи директора экономического института Андрея Илларионова, который еще весной предсказывал неизбежность девальвации рубля и предлагал комплекс мер, чтобы сделать этот процесс менее болезненным для людей. Но кто прислушался к этим советам? Депутаты Госдумы, неплохо устроившие за время своего депутатства свои личные дела, пытаются взять на себя несвойственные им функции исполнительной власти, вместо того, чтобы заниматься законодательством. Впрочем, я, повторюсь, не экономист, и не политик.

— Некоторые писатели все же, как говорится, «не могут молчать». В свое время вы были одним из первых рецензентов первого опубликованного произведения Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Не собираетесь ли сейчас написать рецензию на его последнюю, тоже в чем-то пророческую, книгу «Россия в обвале»?

— Я был вторым после Константина Симонова рецензентом «Ивана Денисовича» и оценивал повесть как сильное художественное произведение. Но публицистика Солженицына, его телепередачи не кажутся мне серьезными. Это как раз и есть дилетантство! «Россия в обвале» я начал было читать, но не дочитал. Так что в данном случае рецензента из меня не получится.

— Я слышал о вашей новой затее, в какой-то степени связанной с экономикой.

— Я предлагаю сразу же всем журналам объединиться в этом проекте, но они поначалу отказались, и мы действовали сами, на свой страх и риск. Потом, когда увидели, что у нас дела пошли неплохо, и они обратились к Соросу с аналогичной просьбой, и тоже получили поддержку. Сейчас соросовский институт «Открытое общество», бывший Фонд «Культурная инициатива», в правление которого я входил, поддерживает от восьми до девятнадцати российских журналов. Кто-то из них в большей степени умеет воспользоваться этой поддержкой, кто-то в меньшей.

— Этот эпизод свидетельствует, что вам не чуждо экономическое мышление. Может быть, вы бы могли сейчас, хорошо подумав, предложить какой-нибудь спасительный экономический проект и в масштабах всей страны?

— Не хочу быть дилетантом! Экономисты-то у нас есть, да к их голосу никто не прислушивается. Я с большим вниманием читаю в «Аргументах и фактах» статьи директора экономического института Андрея Илларионова, который еще весной предсказывал неизбежность девальвации рубля и предлагал комплекс мер, чтобы сделать этот процесс менее болезненным для людей. Но кто прислушался к этим советам? Депутаты Госдумы, неплохо устроившие за время своего депутатства свои личные дела, пытаются взять на себя несвойственные им функции исполнительной власти, вместо того, чтобы заниматься законодательством. Впрочем, я, повторюсь, не экономист, и не политик.

— Некоторые писатели все же, как говорится, «не могут молчать». В свое время вы были одним из первых рецензентов первого опубликованного произведения Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Не собираетесь ли сейчас написать рецензию на его последнюю, тоже в чем-то пророческую, книгу «Россия в обвале»?

— Я был вторым после Константина Симонова рецензентом «Ивана Денисовича» и оценивал повесть как сильное художественное произведение. Но публицистика Солженицына, его телепередачи не кажутся мне серьезными. Это как раз и есть дилетантство! «Россия в обвале» я начал было читать, но не дочитал. Так что в данном случае рецензента из меня не получится.

— Я слышал о вашей новой затее, в какой-то степени связанной с экономикой.

— Сейчас я — куратор грандиозного проекта «Пушкинская библиотека», охватывающего книжных издателей и библиотеки. Не я автор его идеи. Но директор проекта Мария Веденяпина, выступая недавно на Международной книжной ярмарке, назвала меня его духовным отцом. Проект предусматривает обеспечение трех с половиной тысяч российских библиотек новейшей литературой по различным гуманитарным отраслям и подразделяется на два этапа. Сначала специальные комиссии будут рассматривать присланную издательствами на конкурс литературу. Потом из прошедших конкурс книг библиотеки сами будут выбирать те, что им необходимы. Фонд «Пушкинской библиотеки» будет оплачивать 75 процентов стоимости литературы плюс почтовые расходы, так что библиотеки будут нести лишь пять-десять процентов фактических расходов.